

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

Браун Вера Борисовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
vbbraun@yandex.ru

**ЭЛЕМЕНТЫ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ
ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ» ДЖ. ТОЛКИНА**

Популярное произведение Дж. Толкина «Властелин колец» анализируется в статье с точки зрения критериев метапрозы. Рассматриваются упоминаемые в романе вымышленные произведения, приписываемые персонажам, но частично дублирующие текст «Властелина колец». Выдвигается предположение, что существование у произведений Толкина о Средиземье вымышленных двойников является частью авторской стратегии по имитации правдоподобной литературной традиции. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: Толкин, «Властелин колец», литературная традиция, фэнтези, метапроза, метароман.

Braun Vera B.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
vbbraun@yandex.ru

ELEMENTS OF METAFICTION IN J. R. R. TOLKIEN'S *THE LORD OF THE RINGS*

In this article J. R. R. Tolkien's *The Lord of the Rings* is treated as an example of metafiction. Fictional texts appearing in Tolkien's book and ascribed to its characters are shown as partly overlapping with *The Lord of the Rings* itself. It argues that Tolkien's texts dealing with the Middle-Earth are supplied with the imaginary counterparts or twin-texts, which might be seen as a part of a general effort to imitate the existence of literary tradition. Refs 15.

Keywords: Tolkien, *The Lord of the Rings*, tradition, fantasy, metafiction, metanovel.

Дж. Р. Р. Толкин — автор, чье творчество обычно рассматривается вне современного ему литературного процесса. Книги Толкина о вымышленном им мире Средиземья — «Хоббит» и «Властелин колец» — вышли в середине XX в. и создавались в те годы, когда в литературе утвердились эстетические принципы модернизма, а некоторые культурные явления уже предвещали наступление периода постмодерна. Тем не менее своеобразная тематика произведений Толкина в соче-

тании с его статусом специалиста по старинным языкам и литературам заставили критиков и литературоведов обратиться в первую очередь к параллелям со средневековыми текстами или мифологическим материалом. Сравнение с основными литературными направлениями XX в. делалось, как правило, с целью продемонстрировать самобытность творчества Толкина, противопоставить его книги произведениям современников. Так, Р.И. Кабаков по этому поводу замечает: «мы не найдем в книге Толкина [«Властелине колец». — В. Б.] ни изощренности стиля, ни разработанного образа повествователя, ни временных инверсий — словом, ни одного из тех достижений, которыми гордится роман XX века. Толкин позаимствовал лишь самый минимум психологизма и несколько композиционных приемов — то, без чего современное прозаическое произведение не может обойтись» [Кабаков]. Только в последние десятилетия произведения Толкина исследуются в контексте литературы XX в., сделаны первые шаги к выявлению в его творчестве признаков, не сводимых к подражанию памятникам старины¹. В данной статье мы рассмотрим один из вопросов, указывающих на возможное сходство поэтики «Властелина колец» с поэтикой модернизма и постмодернизма, а именно — вопрос наличия в тексте элементов метапрозы.

Понятие метапрозы остается одним из важнейших в изучении литературы XX в. и связывается в первую очередь с явлениями модернизма и постмодернизма. В широком распространении метаповествования проявились тенденции литературы XX в. к саморефлексии, размышлениям о границах искусства, игре. Термин *метапроза* обозначает «художественный текст, который осознанно и систематически привлекает внимание к своему статусу артефакта с целью поставить ряд вопросов об отношении между реальностью и вымыслом» [Waugh, p. 2]. М.Н. Липовецкий выделяет такие устойчивые признаки поэтики метапрозы, как «тематизация процесса творчества через мотивы сочинительства, жизнестроительства, литературного быта», «высокая степень репрезентации “внеаходимого” автора-творца», «зеркальность повествования, позволяющая постоянно соотносить героя-писателя и автора-творца, “текст в тексте” и “рамочный текст”» и «обнажение приема», переносящее акцент с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого еще не завершенного текста» [Липовецкий, с. 46]. Наконец, В.Б. Зусева-Озкан выделяет основные разновидности метаромана как отдельного литературного жанра «с двуплановой структурой, где предметом для читателя становится не только “роман героев”, но и мир литературного творчества, процесс создания этого “романа героев”» [Зусева-Озкан, с. 32]. Примерами метароманов являются такие произведения, как «Фальшивомонетки» А. Жида, «Если однажды зимней ночью путник» И. Кальвино, произведения В. Набокова и другие тексты, читатель которых одновременно воспринимает готовый текст и становится свидетелем его создания. В метаромане речь так или иначе заходит о процессе создания либо самого этого метаромана, либо некоего текста, являющегося его вымышленным двойником. Такого рода двойники обнаруживаются и во «Властелине колец» Толкина — это «Песнь о Фродо Девятипалом» и «Красная книга Западных уделов».

«Песнь о Фродо Девятипалом» — один из редких случаев, когда поэтический фрагмент не цитируется во «Властелине колец» полностью или частично, но лишь

¹ См. [Таскаева; Flieger, 1997; Mortimer; Hiley] и др.

обозначается. Эту песню исполняет менестрель на Кормаленском поле во время празднования победы над Сауроном: «...менестрель из Гондора вышел вперед, преклонил колени и испросил дозволения спеть. И сказал он так: “Внемлите мне, лорды и рыцари и люди непорочной чести, короли и принцы, благородные гондорцы и всадники Рохана, сыны Элронда и дунаданы севера, эльфы и гномы, отважные полурослики и все вольные люди Запада, внемлите моей песне [Iau]. Ибо я спою вам о Фродо Девятипалом и Кольце Судьбы”» [Tolkien, p.965]. Вероятно, сама песня не приводится по той причине, что ее содержание уже было изложено в предыдущих главах. Безымянный менестрель оказывается автором произведения, которое нельзя процитировать, не воспроизведя весь текст «Властелина колец». Такая ситуация, когда книга предстает плодом труда одного из ее же персонажей, характерна для метаромана первого типа по классификации В.Б. Зусевой-Озкан: «Автор в одной из своих ипостасей является одним из персонажей романа, герой выступает как соавтор Романиста, а граница двух действительностей оказывается проницаемой в обоих направлениях» [Зусева, с. 38]. Далее в тексте присутствует и такая характерная для метапрозы черта, как рефлексия героев произведения о своем статусе литературных персонажей. Ближе к концу своего путешествия хоббиты Фродо и Сэм часто задумываются о том, что когда-нибудь окажутся (а может быть, и уже являются) частью чьей-то истории. Как сами они когда-то узнавали о прошлом из песен и сказаний, так и об их путешествии когда-то расскажут другие: «Сэм вздохнул. “Мы стали частью невероятной истории, не правда ли, мистер Фродо? — сказал он. — Хотелось бы мне её услышать! Наверное, скажут что-то вроде: ‘А теперь послушайте историю Девятипалого Фродо и Кольца Судьбы?’ И все сразу затихнут, совсем как мы тогда в Ривенделле, когда нам рассказывали историю Берена Однорукого и Великого Самоцвета. Хотелось бы мне её услышать! И узнать, что там было дальше”» [Tolkien, p.961–962]. Слова Сэма оказываются пророческими, так как сцена на Кормаленском поле весьма точно соответствует его фантазиям.

«Песнь о Фродо Девятипалом» — один из возможных кандидатов на роль внутритекстового двойника «Властелина колец», но при ближайшем рассмотрении обнаруживается ряд несоответствий формального и содержательного плана. «Песнь», исходя из текста, должна быть не просто произведением поэтическим, она принадлежит ко вполне конкретному жанру — лэ. Выбор такой формы, отчетливо соотносящейся с куртуазной культурой, не случаен. Исполняющий лэ менестрель родом из самого развитого королевства людей — Гондора, культура которого, судя по указаниям в тексте, является по сути своей именно куртуазной. Отсюда очевидные параллели песни менестреля с французской куртуазной поэзией. Стиль изложения также соответствует историческим лэ: «Поэмы эти предназначались для пения <...>. Их исполнителями, а нередко и авторами были жонглеры, которые разносили их по всей Франции. Привлекши к себе внимание присутствующих и собрав вокруг себя <...> кружок слушателей, жонглер энергичным возгласом приглашал их к молчанию и затем начинал петь речитативом, аккомпанируя себе на маленькой арфе или на виоле» [Алексеев, Жирмунский, Мокульский, Смирнов, с. 51]. Подобное указание на жанр позволяет с относительной точностью утверждать, что и содержательно «Песнь» не могла бы быть полным аналогом «Властелина колец»: формат куртуазной поэзии не допустил бы включения в текст множества бытовых деталей или комических сцен, таких, как банные приключения хоббитов или их за-

писки о трубочном зелье. Круг тем, допустимых к изложению в эпических поэмах, также достаточно четко очерчен: «Три темы составляют содержание французского эпоса: 1) оборона родины от внешних врагов <...>; 2) верная служба королю, охрана его прав и искоренение изменников; 3) кровавые феодальные распри» [Там же]. Первые две темы несложно найти в сюжете «Властелина колец», проведя параллели между Гондором и Францией, Арагорном и благородным королем средневековых эпосов. Тем не менее тематический спектр «Властелина колец» значительно шире и далеко выходит за пределы приличествующего куртуазной поэзии. Наконец, роман «Властелин колец» неоднороден и представляет собой прозаический текст с многочисленными поэтическими вставками разного рода. «Песнь», таким образом, не может быть ему идентична, как и в реальных средневековых жанровых формах: «...ни куртуазный роман не был развернутым лэ, ни лэ не было свернутым романом, это были параллельные жанры, более обширный (не по длине, конечно, а по охвату явлений действительности) или более сжатый» [Михайлов, с. 306]. Другими словами, «Песнь о Фродо Девятипалом», прослеживая отдельную линию событий, связанных с уничтожением Кольца, вполне могла бы существовать в мире Средиземья параллельно с более подробным прозаическим отчетом, который нам ещё предстоит обнаружить.

Другой, более убедительный вариант двойника «Властелина колец» — это так называемая «Красная книга Западных уделов», плод совместного творчества персонажей-хоббитов. Согласно тексту, «Красная книга» содержит рассказ Бильбо о его приключении (сходный, если бы он существовал, с «Хоббитом» Толкина), рассказ о Войне Кольца, а также «переводы с эльфийского», под которыми может подразумеваться любое количество текстов о Средиземье и его прошлом.

У «Красной книги» минимум три автора — Бильбо, Фродо и Сэм. «Книга» неоднократно упоминается во «Властелине колец» как произведение все еще создающееся, финал которого будет зависеть от действий героев. Внутрисредиземный аналог «Властелина колец» создается прямо на страницах настоящего произведения, причем мы можем проследить за разными этапами его написания. На момент начала произведения «Книга» хранится у Бильбо, но труд по её окончанию завещается Фродо: «*Затем Бильбо встал. <...> “Фродо, мой мальчик, не мог бы ты привести в порядок мои записи, прежде чем уедешь? Если ты не против, собери все мои записки и бумаги, и дневник мой тоже, и возьми все с собой. Видишь ли, сейчас у меня почти нет времени на разбор и редактуру”*» [Tolkien, p. 1001]. Фродо, в свою очередь, становится свидетелем и хроникером основных событий «Властелина колец» и, в конечном счете, передает неоконченную книгу Сэму: «*“Да вы почти её закончили, мистер Фродо! — воскликнул Сэм. — Надо сказать, работали вы усердно.” “Я очень даже закончил, — сказал Фродо. — Последние страницы оставлены для тебя”*» [Tolkien, p. 1039].

Обратим внимание на варианты названия истории, рассматриваемые и отвергнутые Бильбо и Фродо: «Мой дневник. Неожиданное путешествие. Туда и обратно и что случилось потом. Приключения пяти хоббитов. Повесть о великом Кольце, составленная Бильбо Бэггинсом по его собственным наблюдениям и по рассказам друзей. Как мы участвовали в Войне за Кольцо» [Там же]. Интересно, что и «Хоббит», и «Властелин колец» являются частями одной книги, а не двумя разными. Окончательный вариант названия, утвержденный Фродо, оказывается достаточ-

но развернутым: «ПАДЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ и ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ глазами Маленького народа. Воспоминания Бильбо и Фродо, уроженцев Шира, дополненные рассказами друзей и учением мудрых, а также выдержки из книг Предания, переведенные хоббитом Бильбо в Ривенделле» [Там же]. Подобное название допускает почти любое содержание тома, ведь неизвестно, что могло содержаться в «рассказах друзей» и в чем заключалось «учение мудрых». «Красная книга», таким образом, наиболее близка к роли вымышленного двойника «Властелина колец»: оба текста повествуют о Войне Кольца, обе неоднородны, так как наравне с фрагментами, ассоциирующимися с самими хоббитами, встречаются и «отчеты друзей» самого разного рода. Тот факт, что создание «Красной книги» отражено в тексте, позволяет рассматривать «Властелина колец» как книгу о книге: читатель следит сначала за сбором материала, затем за компоновкой и окончательным оформлением тома. Персонажи-соавторы обсуждают будущую книгу, размышляют о своей роли в рассказываемой ими самими истории. Все это соответствует пониманию метатекста как произведения, в котором происходит перенесение внимания «с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого ещё не завершённого образа» [Липовецкий, с. 46–47]. В сравнение можно привести роман А. Жида «Фальшивомонетки». Персонаж-писатель Эдуар размышляет о собственном тексте, который также называется «Фальшивомонетки» и повторяет произведение А. Жида по содержанию. Произведение Эдуара становится объектом обсуждения персонажей, как и «Красная книга» у Толкина: «*Извините, сударь, что я знаю название вашей книги <...>. Это название как будто содержало в себе указание на повесть?..*» «*Ах, скажите нам это название,*» — стала спрашивать Лаура. «*Мой дорогой друг, если вы хотите... Но предупреждаю вас, что я, может быть, изменю его*» <...> «*Вы разрешаете?.. «Фальшивомонетки»*», — сказал Бернар» [Жид, с. 239]. Тем не менее сходство между «Властелином колец» и «Фальшивомонетками» может оказаться исключительно внешним, так как использование Толкином элементов метапрозы может быть частью авторской стратегии, никак не связанной с поэтикой романа XX в.

Образ толкиновского Средиземья зафиксирован во множестве текстов, вошедших в такие издания, как «Сильмариллион» или «Книга утраченных сказаний». Обратившись к ним, можно заметить, насколько важным в многотысячелетней истории мира оказывается так называемое Предание (Lore) как совокупность знаний о Средиземье в письменной и устной формах. Есть у толкиновского мира и свои вымышленные историки — мудрецы и летописцы, авторы передающихся из поколения в поколение отчетов о событиях прошлого. Эти хроники, известные как «книги Преданий» (Books of Lore), являются важными источниками внутри вымышленного мира Средиземья, их читают, к ним обращаются многие персонажи «Властелина колец». Как отмечает К. Джонсон, Толкин «постоянно напоминает нам, что даже фрагменты историй представляют ценность и не должны забываться» [Johnson, p. 35]. При этом действие самого «Властелина колец» происходит в эпоху, по отношению к которой описанное в упомянутых хрониках является уже глубоким прошлым. Известно, что в книгах Преданий описываются первые дни мира, великие войны, история эльфов и первых людей, то есть то, о чем рассказывается в других произведениях самого Толкина. Таким образом, реальные тексты дублируются вымышленными, в результате чего кажутся читателю правдивыми отчетами

о существующем где-то мире, которые были лишь переведены автором на английский язык (которого в Средиземье Толкина не существует). Истории в Средиземье имеют формы не только письменных хроник, но и песен, стихов, устных рассказов. При этом разные тексты создаются в разные периоды истории мира и могут, внутри вымышленного мира, влиять друг на друга. В Средиземье, таким образом, существует не просто историография или литература, но своего рода фиктивная традиция. Некоторые исследователи находят в этом продолжение общего авторского замысла: создавая свою мифологию, Толкин ориентировался на средневековые европейские эпосы; если эти эпосы возникали лишь как результат многовековой традиции (о чем Толкину как филологу было хорошо известно), то своя традиция должна была быть и у его истории. Так, В.Флигер пишет: «Таким образом, Толкин поставил перед собой следующие задачи: во-первых, создать правдоподобную и убедительную устную традицию, наследие, состоящее из песен и сказаний, приписываемых сменяющим друг друга сказителям; во-вторых, показать переходные этапы, на которых этот материал мог бы быть зафиксирован в письменной форме более поздними редакторами, в результате чего сохранилось бы, согласно средневековой модели, несколько “дошедших до наших дней” манускриптов; в-третьих, создать правдоподобную ситуацию, в которой материал из манускриптов <...> мог бы в конечном счете попасть в печать в современной Толкину Англии» [Flieger, 2005, p. 61]. Подобный подход не противоречит общему замыслу Толкина по приданию вымышленному им миру максимальной степени правдоподобия. Метатекстовые черты «Властелина колец» могут, таким образом, рассматриваться именно в контексте этого замысла, что подтверждается прологом книги и приложениями, которые обрамляют основной текст «Властелина колец» и занимают немалый объем.

Пролог целиком посвящен хоббитам и связанным с ними темам: истории их народа, летоисчислению, местному аналогу табака и, наконец, недавнему приключению Бильбо, то есть пересказу «Хоббита». В приложениях вниманию читателей представлены дополнительные данные о языках и народах Средиземья, история Арагорна и Арвен, лишь мельком пересказанная в основном тексте, а также хроники Третьей Эпохи вплоть до ее окончания и начала следующего периода. Хроники в приложениях — единственный источник сведений о том, что происходило в Средиземье после событий, описанных во «Властелине колец». Рассказчик пролога и приложений очевидно знает о событиях Войны Кольца значительно больше, чем основные герои произведения, и смотрит на произошедшее с некоторой временной дистанции. «Властелин колец», рассматриваемый вместе с прологом и приложениями, напоминает академическое издание, снабженное вступительной статьей, дополнительными материалами и комментариями в конце, с той разницей, что Толкин прокомментировал свое произведение сам. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что комментарии Толкина далеки от стандартных: в настоящем академическом издании автор комментария выступает с позиций нейтрального, отстраненного знания, отделенного от точек зрения, представленных в произведении. Настоящие комментарии к текстам Толкина могут давать информацию об использованных им источниках, деталях биографии писателя, стоящих за тем или иным эпизодом, но никогда не сообщают о мире Средиземья данных, не содержащихся в других текстах самого Толкина. Тот факт, что комментарии расширяют

читательское понимание вымышленного мира, означает, что для их автора Средиземье и есть первичная реальность, он существует внутри нее. Это подтверждается и тем, что у «Властелина колец» есть и настоящее предисловие от автора, написавшего не правдивый отчет о событиях, но художественное произведение. Фиктивный рассказчик, снабдивший историю войны Кольца прологом и комментарием, обретает, таким образом, черты летописца, живущего в Средиземье, собирателя историй, исследователя жизни народов, знатока старых текстов. Сам текст «Властелина колец» позиционируется как некий вымышленный том, явно письменный источник. Этот вымышленный текст ассоциируется в первую очередь с упоминавшейся «Красной книгой Западных Уделов», вернее, с ее более поздней версией. В прологе сообщается: *«Оригинальная “Красная книга” не сохранилась, но было сделано множество её копий <...> История самой важной из этих копий несколько иная. Хранилась она в Больших Смаилах, но сделали ее в Гондоре <...> Работавший над ней писарь оставил следующую отметку: Финдегил, Королевский писец, закончил сей труд IV 172 <...> Истинная ценность сделанной Финдегилом копии в том, что только в ней содержатся сделанные Бильбо “Переводы с эльфийского” в полном виде»* [Tolkien, p. 14–15]. Данная цитата подразумевает не только наличие персонажа-редактора, скомпоновавшего дальнейший текст из «исторических» материалов, но и длительный процесс создания самой рукописи. Дальнейшая история памятника, подобно истории реальных памятников старинной литературы, предстает как результат сличения различных списков утраченного оригинала, комбинированный текст, соединяющий свидетельства из разных эпох. В таком контексте «Властелин колец», то есть произведение изначально художественное, обретает черты хроники, исторического труда, созданного на основании множества других документов. Его нельзя назвать метароманом, прежде всего потому, что отмеченные в нем элементы метапрозы выполняют особую функцию: в центре внимания оказывается процесс сохранения истории и передачи знаний во времени, а не процесс художественного творчества. Память о событиях Войны Кольца продолжает жить в вымышленном мире так же, как живет память о настоящей древности — в песнях сказителей, мемуарах современников, ученых хрониках. Вместо единичного творческого акта во «Властелине колец» имитируется бытование целой нарративной традиции, а внимание читателя заостряется на проблеме передачи знания. Не напрасно в последней главе Фродо обязывает Сэма не только закончить «Красную книгу», но и служить хранителем знаний среди хоббитов: *«ты будешь читать им фрагменты из “Красной книги” и поддерживать память об ушедшей эпохе, чтобы наш народ не забыл о грозившей ему великой опасности и не переставал ценить свою землю»* [Tolkien, p. 1029].

Литература

- Алексеев и др. 1987 — Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С., Смирнов А. А. *История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение*. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 415 с.
- Жид 1999 — Жид А. *Фальшивомонетки*. Франковский А. А. (пер.). СПб.: Амфора, 1999. 494 с.
- Зусева 2007 — Зусева В. Б. «Инвариантная структура и типология метаромана.» *Вестник РГГУ. Сер. Литература. Фольклористика*. 7, 2007: 35–44.
- Зусева-Озкан 2014 — Зусева-Озкан В. Б. *Историческая поэтика метаромана*. М.: Интрада, 2014. 488 с.

- Кабаков — Кабаков Р.И. «Повелитель колец» Дж.Р.Р.Толкина: эпос или роман? ИНИОН АН СССР. № 37042 от 06.03.89. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako88.shtml> (дата обращения: 07.11.2016).
- Липовецкий 1997 — Липовецкий М.Н. *Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики*. Екатеринбург: УрГПУ, 1997. 317 с.
- Михайлов 1976 — Михайлов А.Д. *Французский рыцарский роман*. М.: Наука, 1976. 351 с.
- Таскаева — Таскаева С.Ю. *Творчество Дж.Р.Р.Толкина и английский модернизм*. Библиотека Тол-Эрессе. URL: <http://eressea.ru/library/public/taskaev2.shtml> (дата обращения: 07.11.2016).
- Flieger 1997 — Flieger V. *A Question of Time: J. R. R. Tolkien's Road to Faërie*. Kent: Kent State Univ. Press, 1997. 276 p.
- Flieger 2005 — Flieger V. *Interrupted Music: the Making of Tolkien's Mythology*. Kent: Kent State Univ. Press, 2005. 172 p.
- Hiley 2011 — Hiley M. *The Loss and the Silence: Aspects of Modernism in the Works of C. S. Lewis, J. R. R. Tolkien & Charles Williams*. Zurich; Jena: Walking Tree Publishers, 2011. 260 p.
- Johnson 2007 — Johnson K. "Tolkien's Mythopoesis." *Tree of Tales: Tolkien, Literature and Theology*. Hart T., Khovacs I. (eds.). Waco: Baylor Univ. Press, 2007. P. 25–38.
- Mortimer 2005 — Mortimer P. "Tolkien and Modernism." *Tolkien Studies: An Annual Scholarly Review*. II, 2005: 113–129.
- Tolkien 2002 — Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings*. London: Harper Collins, 2002. 1170 p.
- Waugh 1984 — Waugh P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London; New York: Methuen, 1984. 176 p.

Для цитирования: Браун В. Б. Элементы метаповествования во «Властелине колец» Дж. Толкина // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 162–170. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.201.

References

- Алексеев и др. 1987 — Alekseev, M. P. et al. *Istoriia zarubezhnoi literatury. Srednie veka i Vozrozhdenie* [History of Foreign Literature. Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 415 p. (in Russian)
- Жид 1999 — Zhid, A. *Fal'shivomonetchiki* [The Counterfeiters]. Frankovsky, A. A. (trans.). St. Petersburg, Amfora Publ., 1999. 494 p. (in Russian)
- Зусева 2007 — Zuseva, V. B. Invariantnaia struktura i tipologiiia metaromana [An Invariant Structure and Meta-Novel Typology]. In: *Vestnik RGGU. Ser. Literatura. Fol'kloristika — RGGU Bulletin. Literature. Study of folklore*, 2007, vol. 7, pp. 35–44. (in Russian)
- Зусева-Озкан 2014 — Zuseva-Ozkan, V. B. *Istoriicheskaia poetika metaromana* [Historical Poetics of Meta-Novel]. Moscow, Intrada Publ., 2014. 488 p. (in Russian)
- Кабаков — Kabakov, R. I. "Povelitel' kolets" J. R. R. Tolkiena: *epos ili roman?* [J. R. R. Tolkien's «The Lord of the Rings» — epos or novel?]. INION of USSR Academy of Sciences. № 37042 (06.03.89). Available at: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/kabako88.shtml> (accessed: 07.11.2016). (in Russian)
- Липовецкий 1997 — Lipovetsky, M. N. *Russkii postmodernizm: Oчерki istoricheskoi poetiki* [Russian Postmodernism: Essays on Historical Poetics]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Univ. Publ., 1997. 317 p. (in Russian)
- Михайлов 1976 — Mikhaylov, A. D. *Frantsuzskii rytsarskii roman* [French chivalric romances]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 351 p. (in Russian)
- Таскаева — Taskayeva, S. Y. *Tvorchestvo J. R. R. Tolkiena i angliiskii modernizm* [J. R. R. Tolkien's Works and English Postmodernism]. Tol Eressea Library. Available at: <http://eressea.ru/library/public/taskaev2.shtml> (accessed: 07.11.2016). (in Russian)
- Flieger 1997 — Flieger, V. *A Question of Time: J. R. R. Tolkien's Road to Faërie*. Kent, Kent State Univ. Press, 1997. 276 p. (in English)
- Flieger 2005 — Flieger, V. *Interrupted Music: the Making of Tolkien's Mythology*. Kent, Kent State Univ. Press, 2005. 172 p. (in English)
- Hiley 2011 — Hiley, M. *The Loss and the Silence: Aspects of Modernism in the Works of C. S. Lewis, J. R. R. Tolkien & Charles Williams*. Zurich; Jena, Walking Tree Publ., 2011. 260 p. (in English)
- Johnson 2007 — Johnson, K. Tolkien's Mythopoesis. In: Hart, T., Khovacs, I. (eds.). *Tree of Tales: Tolkien, Literature and Theology*. Waco, Baylor Univ. Press, 2007, pp. 25–38. (in English)

- Mortimer 2005 — Mortimer, P. Tolkien and Modernism. In: *Tolkien Studies: An Annual Scholarly Review*. 2005, vol. II, pp. 113–129. (in English)
- Tolkien 2002 — Tolkien, J. R. R. *The Lord of the Rings*. London, Harper Collins, 2002. 1170 p. (in English)
- Waugh 1984 — Waugh, P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London; New York, Methuen, 1984. 176 p. (in English)

For citation: Braun V.B. Elements of Metafiction in J.R.R. Tolkien's "The Lord of the Rings". *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 2, pp. 162–170. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.201.

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2014 г.

Статья рекомендована в печать 26 мая 2016 г.